

Шибасова Н. Л. Типология парных слов (на материале некоторых финно-угорских языков). М., 2006. [SHibasova N. L. Tipologiya parnykh slov (na materiale nekotorykh finno-ugorskikh yazykov). M., 2006].

Штейниц В. К. Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. 1. Л., 1937. С. 193–227. [SHtejnits V. K. KHantyjskij (ostyatskij) yazyk // YAzyki i pis'mennost' narodov Severa. 1. L., 1937. S. 193–227].

Эседулаева Н. Б. Сравнительные и образные обороты, парные и удвоенные слова в лезгинском языке. Махачкала, 2001. [Esedulaeva N. B. Sravnitel'nye i obraznye oboroty, parnye i udvoennye slova v lezginskom yazyke. Makhachkala, 2001].

Статья поступила в редакцию 17.09.2012 г.

УДК 821.161.1-97 + 82'04 + 82'06

Е. Н. Коледич

СТИЛЕВОЕ И ТЕМАТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII в.

Раскрываются особенности развития православной литературы XVIII в. как части литературного процесса. Рассматриваются основные типы конфессиональных писателей указанного периода и особенности их сочинений. Делается вывод о поиске православной литературой своего стиля, ее тематическом своеобразии и опоре на святоотеческую традицию.

Ключевые слова: православная литература XVIII в.; Феофан Прокопович; Стефан Яворский; Тихон Задонский; святоотеческая традиция; классицизм; барокко; сентиментализм.

Литература XVIII в. — литература переходного типа, для которой актуален интерес к предшествующей литературной традиции. Одновременно происходит становление новой литературы, ориентированной на западную эстетику и западную жанровую систему. Формы литературной деятельности XVIII в. многообразны. Существуют, образуя противоречивое, но органическое единство, роман и различные историографические жанры, светское красноречие и духовная проповедь, сатира и политическая публицистика, философская поэзия и богословский трактат. Д. Д. Благой называет литературу XVIII в. «гигантской коллективной творческой лабораторией, в которой вырабатывались основные элементы национальной художественной формы» [Благой, с. 9]. Вместе с быстрым развитием оригинальной русской литературы на русскую почву были перенесены произведения почти всех главнейших писателей не только Нового времени, но и «древнего мира». К концу века Россия «в просвещенных слоях своего общества приобщилась к тому веками накопленному культурному достоянию, которое представляла собою литература Западной Европы» [Семенников, с. 5].

Особенности русской истории XVIII в., знакомство с европейскими философскими и эстетическими учениями определили своеобразие русской эволюции идей этого периода. «В первую половину XVIII века русским людям казалось, что достаточно поступать согласно принципам разума, и тем самым будут решены все сложности жизни общественной и личной. Но уже в середине XVIII века они создают себе новую, но опять-таки на рационалистической основе построенную концепцию: все зависит от морали, диктуемой разумом... К концу века — и под влиянием развития самой русской жизни, и в результате отбора и усвоения достижений европейских литературу — старая формула меняется: на место рационалистической морали ставится сердце, добродетель, чувство. Если раньше заботились о «просвещении умов», то в последнюю треть говорят о чувстве и — еще больше — о сочувствии» [Берков, с. 168]. Такая эволюция идей определила и спектр развития литературных направлений указанного периода в России.

Для православной литературы восемнадцатое столетие оказалось драматичным. Светская литература отделилась от церковной, о духовных предметах (догматах церкви, христианских добродетелях и пороках) стали писать преимущественно лица духовного звания. Но православная литература не существовала изолированно, ее новое понимание сформулировал в своем «Обзоре» Филарет (Гумилевский): «По сложности нужд новаго времени, предметы духовнаго образования умножились; от духовных деятелей, для успешной борьбы с неприязненным духом времени, потребовались новыя меры и новыя приемы. Повременно сменявшиеся системы философии производили перемену в обществе; деятелям духовным надлежало хорошо знать как дух современной философии, так и производимое им действие в обществе, чтобы так или иначе действовать на общество. ...Область духовной литературы расширилась, вошла в соприкосновение с предметами образования светского, но не против значения христианства» [Филарет, с. 277].

Первая четверть XVIII в. в истории России неразрывно связана с петровскими преобразованиями. Все царствование Петра I представляет собой непрерывный ряд реформ, касавшихся внешней и внутренней жизни Русского государства. Монарх видел первостепенную задачу как светской, так и церковной словесности в создании образа нового государства, в поддержке преобразований и в разъяснении их целей и задач. А. М. Панченко отметил, что при Петре I «писатель, сочиняющий по обету или внутреннему убеждению, сменяется грамотеем, пищущим по заказу или прямо “по указу”» [Панченко, с. 239]. Ораторское искусство, как и в XVII в., остается ведущим в культуре Петровской эпохи, но впервые конфессиональное красноречие открыто используется в государственных интересах.

Выразителем Петровской эпохи был видный соратник монарха архиепископ Новгородский и Псковский Феофан. Он придал проповеди ярко выраженное общественно-практическое, публицистическое направление, которое теоретически обосновал в своих сочинениях, таких как «Духовный регламент», «Богословские уроки» и др., и практически осуществил в собственных проповедях.

Особенности стиля проповедей Феофана Прокоповича связывают с формирующимся литературным направлением — классицизмом. По мнению

О. М. Буранка, «это нашло отражение не только в его, так сказать, светских проповедях, но и в сугубо церковных» [Буранок, с. 272]. Главное положительное достоинство проповедей архиепископа Феофана видят в их современности, в живом отношении к действительности [см.: Самарин, с. 406]. Прокопович хорошо знал состояние умов, предрассудки и убеждения русского народа. Это давало проповеднику возможность действовать на общественное мнение, обращаться к слушателям именно с тем, чего требовали обстоятельства. Выбрав для проповеди текст Священного Писания, Прокопович обнимает его во всей полноте, углубляется в его прямой смысл и строго его придерживается. Развитие проповеди строится на развитии основной мысли, причем исторические примеры встречаются крайне редко, доказательства заимствуются преимущественно из Священного Писания. Проповедник воздерживается от риторических украшений, не содержащих в себе ничего поучительного. Тон его проповедей ровный, изложение отличается ясностью и точностью. Критический ум Феофана Прокоповича, выразившийся во всех его трудах, не допускал сильных чувственных проявлений, автор предпочитал анализ и рассуждение.

Влияние Прокоповича испытали не только его современники, среди которых было немало талантливых писателей (например, епископы Симон Кохановский и Гавриил Бужинский), но и проповедники последующего времени.

Феофан Прокопович старался положить конец старой проповеднической школе, продолжавшей традиции юго-западной схоластической проповеди XVII в., видными представителями которой в России являлись Симеон Полоцкий, Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский и др. Особенности их стиля исследователи связывают с литературным направлением барокко [см. об этом: Еремин; Морозов, 1962; Лихачев]. Согласно барочной философии искусства, создатель литературных произведений обязан отчетом только Богу. Барочные писатели считали себя счастливыми обладателями истины, поскольку верили, что она доступна всем тем, кто хорошо знает богословие, умеет читать латинские и греческие тексты, кто изучил логику и диалектику, риторику и поэтику. Энциклопедизм Симеона Полоцкого и его учеников был сугубо книжный, кабинетный, но он содержал в себе положительное зерно просветительства. Каждый из них держал в памяти (и постоянно использовал в своих сочинениях) широкий свод сведений из разных отраслей науки. О характере взаимоотношений барочного писателя и адресата его сочинений пишет А. М. Панченко: «Парadox барокко заключался в том, что художник, с одной стороны, отделял себя от толпы “простецов”, замыкался в сознании собственной исключительности и непогрешимости, с другой же — с терпением истинного просветителя старался “поднять до себя” эту толпу» [История русской литературы, с. 404].

В Петровскую эпоху расцвета достигает ораторское искусство Стефана Яворского. Однако он, выбрав для проповеди текст Священного Писания, редко устремляет внимание на его основной смысл. Обычно проповедник останавливается на каком-нибудь случайном обстоятельстве. Это предпочтение кривого пути прямому, стремление помимо прямого значения искать сокровенный смысл или, схватившись за сравнение, насиливо проводить его далее, по наблюдению Ю. Ф. Самарина, заметно во многих проповедях Яворского и является

результатом «слишком исключительного изучения отвлеченных форм мышления» [Самарин, с. 360]. В некоторых проповедях Яворского вообще нет никакого единства. Они движутся не внутренней силой основной мысли, а слагаются из самых разнородных частей посредством случайного сцепления мыслей с мыслями, слов со словами. Все может быть связано восклицаниями. По замечанию Ю. Ф. Самарина, «обо всех проповедях этого рода можно сказать, что они образуются накоплением» [Там же, с 363]. О характере метафоры Стефана Яворского справедливо пишет А. А. Морозов: «Непременным условием образования метафоры было следование принципу “остроумия” — неожиданного сочетания (“сопряжения”) достаточно отдаленных друг от друга идей и взаимно чуждых по своей среде и стилистической окраске слов, образов и представлений, что в целом было проявлением барочного концептизма» [Морозов, 1971, с. 36–37]. По воспоминаниям современников, Яворский как оратор производил сильнейшее впечатление на слушателей (в том числе и на Петра I) [см.: Самарин, с. 377]. Изложение его было страстным, исполненным быстрых неожиданных переходов, эффектов и сопровождалось резкими телодвижениями. Но скопее всего проповеди Стефана Яворского не столько проникали в душу человека, сколько имели побудительное действие.

Православная литература 2-й четверти XVIII в. менее интересуется политическими событиями в России, но в поэтике текста сохраняются классицистические и барочные черты. Такая ситуация во многом была определена и характером духовного образования в России. Семинарский курс обучения в России 1-й половины XVIII в. делался точной копией курса Киевской академии, который сформировался под влиянием своеобразных исторических условий Юго-Западной России и образцов латинско-католических коллегиумов. Он был распределен на восемь лет и состоял в изучении латинского языка, пинитики, риторики, философии и богословия. Наиболее видными литературными деятелями этого периода считаются митрополит Новгородский Димитрий Сеченов, архиепископ Новгородский Амвросий Юшкевич, архиепископ Псковский Гедеон Криновский и архимандрит Кирилл Флоринский, ректор Московской академии.

В этот период православная литература ставит своей основной задачей исправление религиозно-нравственного состояния общества, в котором возникает ощущение опасности от распространения в России различных западных учений, в большинстве своем выражавших неправославные, а иногда и вообще нехристианские взгляды. Ю. М. Лотман писал о «состоянии русских умов» этого периода: «В XVIII в. идеи терпимости и человеколюбия, развиваемые просветителями сознательно и активно, противопоставлялись христианству как философия права человека на земное счастье. В основу этики клался разумно понятый эгоизм не испорченной социальными институтами и предрассудками человеческой личности. Однако “антихристианский” не означало “антирелигиозный”. Число атеистов не только в русской культуре XVIII в., но и в культуре французского Просвещения относительно невелико. Гораздо чаще мы сталкиваемся с разнообразными, порой причудливыми смесями философского сенсуализма, деизма, традиционного православия, кощунства, мистицизма, скептицизма, бог ведает каким образом умевшими в го-

ловах русских людей XVIII в.» [Лотман, с. 131]. Все это приводило к искажению традиционного уклада жизни русского общества: среди его высших слоев стало распространяться стремление к роскоши, исканию чинов, наград, презрение к простому народу, а среди последнего — также колебание в вере (усиление настроений раскола, возрождение языческих верований).

По манере изложения православная литература, обращенная к пастве, во второй половине XVIII в. стала отличаться большей простотой и безыскусственностью. Митрополит Московский Платон Левшин, один из видных проповедников времени, писал: «Витийство полезно, чтобы истину, всеми признаваемую, в краснейшем и лестнейшем представить виде, но где надобно оную, ложью пожираемую, защитить и доказать, там оно не только есть излишне, но и вредно; излишне: ибо правды лицо само по себе прекрасно; вредно: ибо дает подозрение, что защитник побеждает не тем, что истина на его стороне... но тоном слов своих и чародейством красноречия» [История проповедничества...]. Эти качества литературы проявились в трудах святителя Тихона Задонского (епископа Воронежского), киевского протоиерея Иоанн Леванды, архиепископа Астраханского Анастасия Братановского, архиепископа Белорусского Георгия, митрополита Петербургского Гавриила.

Характеризуя главный труд Тихона Задонского «Об истинном христианстве», Е. Поселянин пишет: «Каждая страница этих книг свидетельствует, что он менее всего наклонен был показывать разные фокусы богословской диалектики и всегда имел в виду лишь выяснить взятую для изучения богословскую мысль по разуму православной церкви, выяснить как можно короче, доступнее для всех, даже самых простых слушателей, и, кроме того, сделать эту мысль началом для их жизни и деятельности. Следы такого направления богословской науки мы замечаем у всех ученых великорусов того времени, старавшихся оживить богословие после вредного для него влияния мертвящего духа киевской схоластики; но никто в этом случае не превзошел еще св. Тихона, можно без преувеличения сказать, даже доселе» [Поселянин, с. 136].

Сочинения Тихона Задонского многими чертами сближаются с творениями Святых Отцов первых веков христианства. Святые Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст и многие другие Отцы Церкви на все предметы своих исследований смотрели библейским взором, независимо от того, говорили ли они словами Библии или нет. Библеизм Тихона Задонского делает его сочинения верным изображением духа и буквы Библии. В творениях Отцов Церкви устанавливается символическая связь между человеком и природой в их целостном единстве, раскрывается внутренняя связь реальностей. Символическое соединение мирского и духовного, возвышенного и обыденного — отличительная черта творчества святителя. В проявлении чувств в его сочинениях, как и у Отцов Церкви, нет никакой фальши, никакой искусственности, присутствует чувство меры и внутренняя связь с духом и содержанием произведения. Тихон Задонский созвучен святым IV в. характером использования риторических приемов и главной писательской установкой. У Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста риторические приемы имеют характер подчиненный, служебный по отношению к содержанию, являются

естественным способом выражения и, придавая совершенство форме, только способствуют лучшему усвоению содержания. Это определено главной задачей писателя — спасением слушателя и читателя; он стремится завладеть его внутренним вниманием, наставляет, а не услаждает. Творения Тихона Задонского также носят на себе печать того благодатного состояния, которое называется помазанием. «Читая их, вы чувствуете, что с вами беседует многоопытный, строгий к самому себе, но любящий Христовой любовью св. старец, нашедший совершенное и полное успокоение своего духа во Христе, Господе нашем. Оттого при чтении и вам передается эта сила любви, эта умягчающая теплота сердца, это благодатное спокойствие духа» [Лебедев, с. 282]. Как справедливо заметил о Тихоне Задонском Г. Флоровский, это был апостольский отклик на безумие вольнодумного века [Флоровский, с. 124]. Это был возврат к живым источникам святоотеческого наследия, возвратное движение к византийским отцам. И в этом уникальность Тихона Задонского как духовного писателя 2-й половины XVIII в.

Но вместе с тем творчество Тихона Задонского созвучно эпохе чувствительности в России. Чуткость сердца Тихона Задонского, его христианское сопереживание ближнему, благотворительность, происхождение из демократического слоя общества коррелируют с культом «чувствительного» писателя-сентименталиста, «трогающегося несчастиями других людей».

Признание ценности отдельного человека в силу многообразия его душевных переживаний в сентиментализме соотносится с христианским пониманием ценности души каждого человека в сочинениях Тихона Задонского. Широкая «апостольская» адресация его творений, проникновение в них бытовых элементов, естественность, простота, ясность в изложении материала, мелодичность речи, многообразие чувствований, тон душевной грусти сближают его сочинения с произведениями русских писателей-сентименталистов 2-й половины XVIII в.

В XVIII в. светская и церковная литература образовали два больших взаимодействующих потока. Приобщившись к богатому наследию европейской культуры, русская литература не только сохранила свое национальное своеобразие, но и ускорила свое развитие. В отношении церковной литературы архиепископ Филарет (Гумилевский) тонко заметил: «При умножении предметов внимания нужно иметь много осторожности, чтобы оставаться верным духу христианскому, не увлекаться и не рассеиваться веяниями изменчиваго мира» [Филарет, с. 277]. Православная литература XVIII в., пройдя испытания произволом государства и католической схоластикой, переработав и усвоив в соответствии с национальными традициями духовный опыт Запада, в лице своих видных представителей смогла сохранить дух истинного христианства и роль духовного пастыря в непростых условиях «вольнодумного века».

Берков П. Н. Проблемы исторического развития литературы. Л., 1981. [Berkov P. N. Problemy istoricheskogo razvitiya literatury. L., 1981].

Благой Д. Д. История русской литературы XVIII века. 3-е изд., перераб. М., 1955. [Blagoj D. D. Istorija russkoj literatury XVIII veka. 3-e izd., pererab. M., 1955].

Буранок О. М. Русская литература XVIII в. : Петровская эпоха. Феофан Прокопович. М., 2003. [Buranok O. M. Russkaya literatura XVIII v. : Petrovskaya epokha. Feofan Prokopovich. M., 2003].

Еремин И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. Т. 6. М. ; Л., 1948. С. 125–153. [Eremin I. P. Poeticheskij stil' Simeona Polotskogo // TODRL. T. 6. M. ; L., 1948. S. 125–153].

История проповедничества на Руси [Электронный ресурс] : лекции. URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru> (дата обращения: 12.12.12). [Istoriya propovednichestva na Rusi [Elektronnyj resurs] : lektsii. URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru> (data obrashenija: 12.12.12)].

История русской литературы : в 4 т. Т. 1 : Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л., 1980. [Istoriya russkoj literatury : v 4 t. T. 1 : Drevnerusskaya literatura. Literatura XVIII veka. L., 1980].

Лебедев А., прот. Святитель Тихон Задонский, всея России чудотворец. Его жизнь, писания и прославление // Тихон Задонский, свт. Собрание творений : в 5 т. Т. 1 : Житие. Слова. Наставления. Плоть и дух. М., 2008. С. 10–346. [Lebedev A., prot. Svyatitel' Tikhon Zadonskij, vseya Rossii chudotvorets. Ego zhizn', pisaniya i proslavlenie// Tikhon Zadonskij, svt. Sobranie tvorenij : v 5 t. T. 1 : Zhitie. Slova. Nastavleniya. Plot' i dukh. M., 2008. S. 10–346].

Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1975. [Likhachev D. S. Razvitiye russkoj literatury X–XVII vekov. Epokhi i stili. L., 1975].

Лотман Ю. М. Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // Лотман Ю. М. Избр. ст. : в 3 т. Т. 3 : Статьи по истории русской литературы. Теория и семиотика других искусств. Механизмы культуры. Мелкие заметки. Таллин, 1992. С. 127–137. [Lotman YU. M. Russkaya literatura poslepetrovskoj epokhi i khristianskaya traditsiya // Lotman YU. M. Izbr. st. : v 3 t. T. 3 : Stat'i po istorii russkoj literatury. Teoriya i semiotika drugikh iskusstv. Mekhanizmy kul'tury. Melkie zametki. Tallin, 1992. S. 127–137].

Морозов А. А. Проблема барокко в русской литературе XVII — начала XVIII века (состояние вопроса и задачи изучения) // Рус. лит. 1962. № 3. С. 3–38. [Morozov A. A. Problema barokko v russkoj literature XVII — nachala XVIII veka (sostoyanie voprosa i zadachi izucheniya) // Rus. lit. 1962. N 3. S. 3–38].

Морозов А. А. Метафора и аллегория у Стефана Яворского // Поэтика и стилистика русской литературы : памяти акад. В. В. Виноградова. Л., 1971. С. 35–44. [Morozov A. A. Metafora i allegoriya u Stefana YAvorskogo // Poetika i stilistika russkoj literatury : pamjati akad. V. V. Vinogradova. L., 1971. S. 35–44].

Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. [Panchenko A. M. Russkaya stikhotvornaya kul'tura XVII veka. L., 1973].

Поселянин Е. Очерки из истории русской церковной и духовной жизни в XVIII в. СПб., 1902. [Poselyanin E. Ocherki iz istorii russkoj tserkovnoj i dukhovnoj zhizni v XVIII v. SPb., 1902].

Самарин Ю. Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники // Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. 5. М., 1877. С. 333–450. [Samarin YU. F. Stefan YAvorskij i Feofan Prokopovich kak propovedniki // Sochineniya YU. F. Samarina. T. 5. M., 1877. S. 333–450].

Семенников В. П. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II, 1768–1783 гг. : ист.-лит. исслед. СПб., 1913. [Semennikov V. P. Sobranie, starayuschesya o perevode inostranniykh knig, uchrezhdennoe Ekaterinoj II, 1768–1783 gg. : ist.-lit. issled. SPb., 1913].

Филарет (Гумилевский), архиеп. Обзор русской духовной литературы, 1720–1858 (умерших писателей). СПб., 1884 // Русское богословие XV–XVII веков : сб. электрон. кн. СПб., 2007. [Filaret (Gumilevskij), arkhiep. Obzor russkoj dukhovnoj literatury, 1720–1858 (umershikh pisatelej). SPb., 1884// Russkoe bogoslovie XV–XVII vekov : sb. elektron. kn. SPb., 2007].

Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Киев, 1991. [Florovskij G., prot. Puti russkogo bogosloviya. Kiev, 1991].

Статья поступила в редакцию 23.11.2012 г.